

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ СОБИРАНИЯ ЕГИПЕТСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ В ЛИТВЕ

В музеях Литовской ССР сейчас хранится около 350 памятников египетской древности (покрытые надписями расписные саркофаги, многоцветные маски, мумии, статуэтки с надписями и без них, папирус с выдержкой из «Книги мертвых», ушебти и скарабеи с надписями, амулеты и пр.). Основная часть древностей находится в Каунасе, в Государственном Художественном музее им. М. К. Чюрлениса. Многие из этих памятников имеют собственную историю появления в Литве, которую невозможно не учитывать при намеченном сплошном издании всех египетских древностей СССР. В то же время их собственную историю можно установить только на основе изучения на месте архивных материалов и литературы на литовском языке. Поскольку отдельные коллекции или группы объектов имеют общую историю, связанную с именем собирателя, то очерки и приходится концентрировать вокруг того или иного коллекционера.

1. Начало собирания египетских древностей. Внимание к древнему Египту прямо связано с распространением в Великом княжестве Литовском в XVI в. европейской образованности и гуманистических идей Возрождения. Более всего в этой области проявили себя Радзивиллы — один из самых могущественных и многочисленных родов Литвы этого времени. Самым известным его представителем, оставившим яркий след во всей истории литовской культуры и пробудившим интерес к древнему Египту не только в Литве, но и в Европе, был просветитель Николай Христофор Радзивилл по прозвищу «Сиротка» (1549—1616 гг; лит. Mikalojus Kristupas Radvila Našlaitėlis). Н. Х. Радзивилл оставил одно из интереснейших описаний путешествия на Ближний Восток в 1582—1584 гг., которое растроивалось сначала в списках, а затем было переведено и издано Т. Трегером на латинском языке¹. Ценность этой книги прекрасно поняли уже его современники. В 1601 г. в Браневе книга издавалась дважды, а вскоре была напечатана на разных языках во многих городах Европы².

¹ Hierosolymitana peregrinatio Illustrissimi Domini Nicolai Christophori Radziviłi, Ducis in Olika et Nyeswiesz, Comitis in Szydłowicz et Myr. etc. IV. Epistolis comprehensa, Ex idiomate Polonico in Latinam linguam translata et nunc primum edita. Thoma Tretero custode Varmiensi interprete. Brunsbergae, Apud Georgium Schönfels. MDCL. 304 p.

² На немецком — в 1603 г. в Майнце, в 1609 г. во Франкфурте на Майне; на латинском — в 1614 г. в Антверпене, в 1753 г. в Турине, в 1756 г. в Касселе; на польском — в 1607, 1611, 1617, 1628, 1683, 1745 (два раза) гг. в Кракове, в 1836, 1847 гг. во Вроцлаве, в 1925 и 1962 гг. в Варшаве; на русском — в 1787 и 1879 гг. в Петербурге; см.: *Matusevičiūtė O., Gustaitė G. M. K. Radvilos Našlaitėlio «Kelionė į Jeruzalę» // Mokslas ir gyvenimas. 1984. № 12. P. 26.*

От обычного паломничества в «святые места» путешествие Н. Х. Радзивилла и сопровождавших его людей, среди которых были поляки, литовцы и немцы, отличалось тем, что в Палестине он пробыл намного меньше, чем в Египте. Радзивилл описывал все: прошлое и настоящее народов Ближнего Востока, быт, верования, обычаи, архитектуру, климат, торговлю, урожаи.

В Египте Н. Х. Радзивилл купил две мумии (мужскую и женскую), а также находящиеся с ними рядом статуэтки (очевидно, ушебти). На обратном пути корабль с путешественниками настиг шторм, и суеверный попутчик Н. Х. Радзивилла — польский священник Симон Албимонтан заставил его выбросить мумии в море. Н. Х. Радзивилл тем не менее счел нужным в своей книге отметить, что подобных суеверий он не разделяет. Приплыв к южным берегам Италии, путешественники направились в Венецию, но по дороге были ограблены разбойниками и лишились всего, что везли с собой из Египта и Палестины. Так произведений древнего Египта, собранных самим Радзивиллом «Сироткой», не суждено было стать первой коллекцией подобного рода в нашем крае.

Совершенное путешествие Н. Х. Радзивилл считал важнейшим событием своей жизни и советовал сыновьям посетить как можно больше стран и изучать иностранные языки³. Его советов не забыли не только дети и внуки, но и позднейшие потомки. От «Сиротки» они унаследовали страсть к коллекционированию, побуждавшую собирать ценности культуры, в том числе и художественные произведения древнего Египта.

Сегодня трудно восстановить историю коллекции египетских древностей Радзивиллов. Отправной точкой можно считать известие о том, что в 1785 г. в Несвиже (Радзивиллы были князьями Несвижскими) уже хранилась египетская мумия (имеется в виду, как мы увидим далее, саркофаг с мумией) — первый коллекционный экспонат древнеегипетского происхождения на территории СССР. Этот объект упоминается в дневнике посещения Несвижа польским королем Станиславом Августом Понятовским⁴, который осмотрел сокровищницу рода Радзивиллов, где, в частности, хранилось «множество подарков от разных знатных людей, монахов, папы Римского; египетская мумия и все ценности, унаследованные после смерти короля Яна, а также имущество нескольких королей, перешедшее к Радзивиллам»⁵. Это упоминание как будто бы указывает на то, что мумия перешла к Радзивиллам от польского короля Яна III Собесского, который, как и его отец⁶, был очень образованным и крупным коллекционером, знатоком и ценителем искусств, собиравшим античные и восточные древности. Через специальных агентов⁷ он заказывал художественные произведения в Персии и Турции (Египет тогда входил в состав Османской империи). После смерти прямых наследников Яна Собесского его владения и состояние достались Михаилу Казимиру Радзивиллу, его внучатому племяннику. Вопрос о происхождении мумии несколько

³ *Laskowski K.* Nieśwież wrażenia i nastroje // *Tygodnik ilustrowany*. 1908. № 27. S. 540.

⁴ *Truchim S.* Wizyty królewskie. Poznań, 1926. S. 3—34; *Taurogiński B.* Z dziejów Nieświeża. Warszawa, 1937. S. 150.

⁵ *Taurogiński.* Z dziejów... S. 137.

⁶ *Gąsiorowski S. J.* Badania Polskie nad sztuką starożytną. Kraków, 1948. S. 11.

⁷ Услугами специального агента в Италии Станислава Решки (Ресция) пользовался еще великий князь Литовский и король Польский Сигизмунд Ваза (1587—1632). В письме от 28.VII.1588 г. исповедника Сигизмунда Вазы Бернарда Галинского иезуиту С. Решке сообщается, что высланная С. Решкой мумия получена (*Grabowski A.* Starożytności historyczne Polskie. T. 2. Kraków, 1840. S. 429).

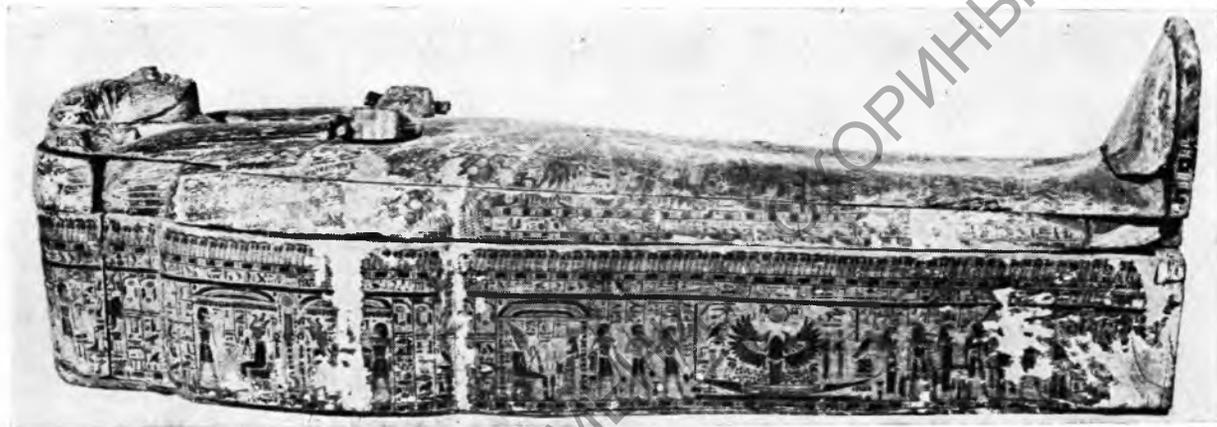

Рис. 1. Левая сторона саркофага начальника таинников дома Амуна Хори, ГМИЭ, IM 6283

Рис. 2. Правая сторона того же саркофага

усложняется тем, что египетские памятники не упоминаются в опубликованных инвентарях дворцов Яна Собесского в Виланове и Жолкве⁸ (художественные коллекции из Жолквы были унаследованы Радзивиллами в 1740 г.⁹). Несомненно, однако, что наряду с ценностями Яна Собесского они стали собственностью десятого владельца Несвижа (сына Михаила Казимира) — Кароля Станислава Радзивилла, и в его-то сокровищнице их и видел последний польский король и великий князь Литовский Станислав Август Понятовский.

Наследник К. С. Радзивилла — Доминик, одиннадцатый владелец Несвижа, в войне 1812 г. воевал на стороне Наполеона, поэтому после освобождения от французов замок в Несвиже был конфискован и отчасти разграблен проходящими войсками, но египетские древности уцелели. В 1814 г. указом Александра I вотчина была возвращена дочери Доминика Стефании Радзивилл¹⁰, которая вышла замуж за князя Л. А. П. Витгенштейна (сына фельдмаршала, героя Отечественной войны 1812—1814 гг.) и имела от него сына Петра и дочь Марию. После смерти Стефании Радзивилл Л. Витгенштейн женился на Л. Барятинской, в 1839 г. купил на ее имя замок Вяркяй (в Вильне) и перевез туда часть художественных собраний Радзивиллов. Петр Витгенштейн выкупил замок у мачехи; затем Вяркяй перешел по наследству к его сестре Марии, вышедшей замуж за германского канцлера — князя Х. К. В. Гогенлоэ. По царскому указу 1887 г. иностранцам запрещалось иметь на территории Российской империи недвижимое имущество. После смерти Марии князь Гогенлоэ обязан был продать Вяркяй, а вместе с ним и коллекцию. Два ценных экспоната он намеревался передать в Краков, но, по настоянию Ф. В. Покровского, хранителя Виленского музея древностей при Публичной библиотеке, вынужден был подарить их этому музею. Эти два экспоната — древнеегипетские саркофаги (один из них с мумией), хранившиеся в Вяркяйском дворце¹¹. Откуда же появился второй? Наиболее вероятно, его приобрел Л. А. П. Витгенштейн, крупнейший коллекционер Вильны¹², или его сын Петр¹³, но об этом остается только догадываться.

После того как в декабре 1898 г. саркофаги стали собственностью Виленского музея древностей, его заведующий Ф. В. Покровский поместил в дополнении к каталогу музея их краткую опись, где указана фамилия дарителя, но нет сведений о прежних владельцах¹⁴.

В 1899 г. Б. А. Тураев описал древнеегипетские экспонаты Виленского музея древностей, в том числе и саркофаги из Вяркяй. Об истории памятников он, разумеется, не мог ничего знать. Б. А. Тураев датировал первый саркофаг (из коллекций Радзивиллов) приблизительно периодом правле-

⁸ *Człowski A. Urządzenia pałacu Wilanowskiego za Jana III. Lwów, 1937. S. 9; Fijałkowski W. Wilanów. Warszawa, 1973; Materiały źródłowe do dziejów kultury i sztuki XVI—XVIII. Zebrał i opracował Gebarowicz M. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1973.*

⁹ *Kotlubaj E. Galeria Nieświeżska portretów Radziwiłłowskich. Wilno, 1857. S. 452.*

¹⁰ *Iwaszkiewicz J. Z dziejów wielkiej fortuny // Biblioteka Warszawska. 1911. S. 491, 493—496, 500—501.*

¹¹ *Brensztejn M. Pochodzenie mumij egipskich w Wilnie // Kurjer Wilenski. 1933. OI. 15. № 12.*

¹² *Tripplin T. Dziennik podróży po Litwie i Żmudzi. T. 1. Wilno, 1898. S. 178; ЦГАИ. Ф. 1135, оп. 3, д. 24, с. 5.* X

¹³ *Aprašymas J. L. Verkių / Varpas. 1896. № 2. P. 25*

¹⁴ *Покровский Ф. В. Каталог предметов Музея древностей, состоящего при Виленской публичной библиотеке (дополнение первое). Вильно, 1898. С. 111—112. № 438 и 439.*

ния XX династии, описал его роспись и прочитал, что он был сделан для «таинника имущества Амона.. Гори, правогласного, сына... привратника неба в Карнаке, таинника имущества Амона (Аменофиса)». Второй саркофаг не имел надписей, и Б. А. Тураев усомнился в его подлинности¹⁵.

В 1919 г. Временное революционное правительство Литвы выделило новое помещение для Музея древностей и переименовало его в Музей истории и этнографии. Однако за несколько месяцев существования правительства музей не успел начать свою деятельность, и с 1921 г. его экспонаты содержались на складах Вильнюсского университета. В 1933 г. образованный из остатков Музея древностей Археологический музей получил помещение в здании гуманитарного факультета Вильнюсского университета и 4 декабря начал свою деятельность. В числе демонстрировавшихся экспонатов были и саркофаги¹⁶. В том же году описание саркофагов из Вяркяй было опубликовано В. Голубовичем, который в основном опирался на описание Б. А. Тураева. Не все поняв в работе своего предшественника, В. Голубович выразил сожаление, что на первом саркофаге не сохранились или остались Б. А. Тураевым не прочтенными данные об умершем — имя, титулы и место рождения. В. Голубович предполагал, что второй саркофаг, вероятно, был реставрирован в XIX в. и продан какому-нибудь туристу, привезшему его в Вяркяй¹⁷.

В 1941 г. египетская коллекция вместе с другими экспонатами Археологического музея была передана Историческому музею АН ЛитССР. В 1952 г. он был объединен с Этнографическим музеем и назван Музеем истории и этнографии АН ЛитССР, а с 1963 г. подчинен Министерству культуры Литвы и стал Музеем истории и этнографии ЛитССР. В 1965 г. саркофаги были заново инвентаризованы, бывший № 438 (по каталогу) получил инвентарный № IM 6283, а № 439 (по каталогу) — № IM 6284.

В 1985 г. датировка саркофагов была уточнена Е. С. Богословским. Он установил, что первый (IM 6283, рис. 1,2 — см. вклейку) был изготовлен для «божьего отца (невысокий жреческий сан) Амон-Рэ, царя богов, начальника таинников дома Амуна» Хори, отцом которого был «божий отец, возлюбленный Амон-Рэ, царем богов, начальник таинников, отворяющий врата неба (т. е. святилища) в Ипет-сут, начальник золотых дел мастеров Амон-Рэ» Аменомпе (Ипет-сут, совр. Карнак; следовательно, саркофаг принадлежал жрецу главного фиванского храма Амон-Рэ). По определению Е. С. Богословского этот саркофаг датируется концом Нового царства, XI—X вв. до н. э., а второй (IM 6284), если он вообще египетский, следовало бы датировать I тыс. до н. э.¹⁸

Таким образом, благодаря энтузиазму коллекционеров из рода Радзивиллов в древнеегипетские собрания музеев Литвы вошли два саркофага, которые и сегодня вызывают большой интерес у посетителей Музея истории и этнографии Литовской ССР. Став национальным достоянием и неотъемлемой частью культурного наследия литовского народа, они вместе с другими памятниками древнеегипетской цивилизации входят в общую сокровищницу мировой культуры.

¹⁵ Тураев Б. А. Описание египетских памятников в Русских музеях и собраниях. Музей древностей при Виленской публичной библиотеке // ЗВОИРАО. Т. XII. Вып. II, III. СПб., 1899. С. 182—187.

¹⁶ Hołubowiczowa C. H. Muzeum starożytności Wileńskiej komisji Archeologicznej, a muzeum archeologiczne uniwersytetu Stefana Batorego // Światowit. 1936/1937. Т. XVII. Warszawa, 1938. S. 9.

¹⁷ Hołubowicz W. Mumje egipskie w Wilnie. Wilno, 1933. S. 22.

¹⁸ Выражаю благодарность Е. С. Богословскому за уточнение датировки.

2. *Древнеегипетский клад из Швекшны*. Археологические находки и памятники Литвы уже давно привлекали внимание любителей древности; некоторые исследователи нашего края, проводя раскопки в курганах, собрали большие коллекции. Археолог-коллекционер Еустахий Тишкевич (1814—1873) первым попытался обобщить собранный археологический материал. По его инициативе в 1855 г. в Вильнюсе была основана временная археологическая комиссия, а в начале 1856 г. открыт Музей древностей, где было собрано много археологического материала. Временная Виленская археологическая комиссия планировала исследование археологических памятников, издание карты их расположения, а также публикацию полученных в ходе археологических работ материалов. Все это очень облегчило бы сегодня научную работу сотрудникам музеев и увеличило бы ценность экспонатов, но, к сожалению, из-за отсутствия специалистов и средств комиссия ничего не успела сделать. Среди находок литовских археологов и по сей день есть такие, происхождение которых окутано тайной. Попытки раскрыть некоторые из этих тайн не прекращались иногда в течение десятилетий и даже столетий, и в некоторых случаях эта работа давала результаты. Именно такая судьба выпала на долю находок из кургана Швекшны (Шилутский р-н), которые долгое время считались пропавшими.

Адам Плятер (1836—1909, лит. Adomas Pliateris) с юношеских лет увлекался археологией и нумизматикой¹⁹. С 15-летнего возраста он начал проводить археологические раскопки, которые принесли ряд интересных находок²⁰. В 1860 г. он стал членом Виленской временной археологической комиссии и Петербургского археологического общества²¹. В 1864 г. он унаследовал несколько имений, среди них и Швекшнское, но жил здесь редко, так как занимал высокие должности в Петербурге²². А. Плятер собрал коллекцию находок из Виленского и Жемайтийского районов. Это нагрудные украшения (бусы из янтаря, стекла, эмали), бронзовые застёжки, серебряные кольца, браслеты²³. Здесь хранилась и особенно ценная коллекция литовско-польской нумизматики²⁴.

Одна археологическая находка Адама Плятера окружена таинственностью. В сентябре 1852 г., проводя археологические раскопки в Швекшнском кургане в имении отца, в одном из 13 погребений он обнаружил семь, как он предполагал, литовских языческих статуэток²⁵; какие-либо иные объекты, по которым погребение можно было бы датировать, отсутствовали, в других погребениях был найден только пепел²⁶. Семнадцатилетнему юноше было трудно оценить свою находку, и он обратился к краеведу-археологу, члену Петербургского археологического общества П. Вильчинскому, а тот познакомил его с историком Ю. И. Крашевским,

¹⁹ Polski słownik biograficzny. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdansk — Łódź, 1981. Т. XXVI/4. Zesc. III. S. 646.

²⁰ Летопись императорского археологического общества. Заседание 30 декабря 1855 г. // ИРАО. 1859. Т. 1. Вып. 1. С. 28.

²¹ Materiały do biografii, genealogii i heraldyki polskiej. Buenos Aires — Paryż, 1967. Т. 4. S. 169; Polski słownik... S. 646.

²² Архив Института консервации памятников при Министерстве культуры ЛитССР. Ф. 5—2536.

²³ Lietuviškoji enciklopedija. Bostonas, 1965. Т. 30. P. 208; Каталог предметов, доставленных на археологическую выставку при IX археологическом съезде в Вильне 1893. Вильна, 1893. С. 103—105.

²⁴ Materiały do biografii... S. 169.

²⁵ Летопись... С. 28.

²⁶ Kraszewski J. I. Sztuka u słowian szczególnie] w Polsce i Litwie przedchrześcijańskiej. Wilno, 1860. S. 316—317.

Рис. 3. Рисунок шведского клада из архива Е. Тишкевича (ОР ЦБ АН, Ф 31—1440. Р. 100)

с которым у А. Плятера завязалась переписка²⁷. В письмах он описал обстоятельства и место находки, за которой закрепилось название «Швекшнского клада», и обещал выслать статуэтки для точной их оценки. В одном из писем он выразил желание не расставаться с находкой, беречь ее как память о далеком прошлом родных мест. Из того же источника следует, что А. Плятер искал умелого мастера, который сумел бы сделать точные копии статуэток из металла или гипса²⁸. В 1855 г. А. Плятер известил Петербургское археологическое общество о проведенных раскопках, результаты которых (в том числе и швекшнские находки) обсуждались на одном из его заседаний²⁹.

Швекшнские статуэтки заинтересовали исследователей древностей. Польский краевед-публицист А. Киркор, кажется, первым охарактеризовал их как статуэтки египетских богов³⁰. Историк Т. Нарбут утверждал, что это древнеегипетские мифологические статуэтки³¹. Они заинтересовали и Е. Тишкевича, в его архиве сохранился рисунок этого клада (рис. 3)³². Более подробно статуэтки описал Ю. И. Крашевский в книге «Искусство славянского края, а именно в Польше и дохристианской Литве»³³. Согласно его описанию, самой большой является серебряная статуэтка бога Осириса; статуэтка эта пустотела, половина ее отбита. Она изображает безбородого мужчину в короне, со скрещенными на груди руками, держащими плеть и скипетр. Вторая статуэтка, бронзовая, также изображает Осириса или его жреца, внизу имеется штифт для крепления; фигура, держащая плеть и скипетр, растрескалась и разъедена окисью. Третья статуэтка по своим размерам мало отличается от второй, тоже бронзовая и изображает бога Анубиса в четырехугольном головном уборе, с опущенными и прижатыми к телу руками. Четвертая изображает сидящую на невысоком возвышении кошку, пятая — Исиду в высокой короне, кормящую ребенка. Шестая статуэтка (со штифтом для крепления) представляет собой стоящего на коленях мужчину с бритой головой и поднятыми вверх руками (верхняя часть их отломана). По мнению Ю. И. Крашевского, это могло быть изображение египетского жреца. Значительно меньшей является седьмая статуэтка, изображающая пляшущего «старика» с музыкальным инструментом и венцом (стопы отломаны). «Интерпретировать ее довольно трудно, но, очевидно, и она египетская», — пишет Ю. И. Крашевский³⁴. Для своей книги он подготовил альбом с рисунками археологических находок, в том числе и швекшнских древнеегипетских статуэток (рис. 4), однако тот не был опубликован (хранится ныне в Национальном музее в Кракове, собрание Чапских)³⁵.

Дальнейшая история швекшнской находки такова: две статуэтки (стоящего на коленях жреца и бога Анубиса³⁶, а не серебряного Осириса и неидентифицированную статуэтку, как полагает Е. Колендо³⁷) А. Пля-

²⁷ Kolendo J. Rzekome znalezisko posążków egipskich w Szwiekszniach na Litwie // Rocznik Białostocki. Warszawa, 1976. T. 13. S. 290—291.

²⁸ Ibid. S. 289—290.

²⁹ Летопись ... С. 28 сл.

³⁰ Киркор А. Древности, найденные в Вильно // ЗРАО. 1856. Т. 8. С. 117.

³¹ ОР ЦБ АН. F. 1843. P. 4.

³² Там же. F. 31—1440. P. 100.

³³ Kraszewski. Sztuka u słowian... S. 316—319.

³⁴ Там же.

³⁵ Kolendo. Op. cit. S. 287—288.

³⁶ Киркор А. К. Виленский музей древностей. Перечневый каталог предметов в Виленском музее древностей. Вильно, 1858. С. 1. № 9—10.

³⁷ Kolendo. Op. cit. S. 291.

Рис. 4. Рисунок шведского клада из альбома Ю. И. Крашевского, по статье Е. Колендо (Rocznik Białostocki, 1976. Т. 13. S. 287)

тер подарил Ю. И. Крашевскому, который в 1856 г. передал их в дар Виленскому музею древностей³⁸. А. Плятер изготовил слепки статуэток и подарил их Виленскому музею древностей³⁹ и известному архитектору Б. Подчашинскому⁴⁰, который в 1856 г. демонстрировал их на выставке «Предметы искусства и древностей» в Варшаве. О слепках упоминается в литературе, посвященной этой выставке⁴¹. Один из слепков опубликован в фотоальбоме К. Бейера (к сожалению, качество изображения очень плохое)⁴². В. Подчашинский утверждал, что этот клад является результатом торговых отношений с Египтом, и датировал его V—IV вв. до н. э.⁴³

В 1893 г. в Вильнюсе состоялся IX съезд археологов России, который организовало Общество археологов Москвы. По этому поводу в Вильнюсе была устроена выставка, на которую поступили и экспонаты от А. Плятера⁴⁴. Ф. В. Покровский опубликовал самые интересные археологические экспонаты из Виленского музея древностей, в том числе статуэтку мужчины, стоящего на коленях (из клада, найденного А. Плятером)⁴⁵. И сама находка и проблема ее появления на территории Литвы продолжала интересовать ученых, и в XX в. Швекшнский клад упоминает, например, литовский археолог П. Тарасенка в своем обзоре «Материалы по археологии Литвы»⁴⁶. Не затрагивая проблем собственно клада, он датирует курганы, где А. Плятер проводил раскопки, X в.⁴⁷ О кладе упоминает и «Малая литовская энциклопедия», которая относит его к I в.⁴⁸ Речь о египетских статуэтках идет и в монографии А. Ругите, где выражено сожаление по поводу их пропажи⁴⁹. Археолог Р. Куликаускас в статье «Ранний период феодализма (IX—XII вв.)» швекшские курганы датирует IX—XII вв.⁵⁰ Таким образом, вопрос о появлении статуэток на территории Литвы становится все более сложным. Больше внимание считающейся пропавшей находке уделил археолог М. М. Михельбертас в своих статьях «Римские металлические предметы в Литве»⁵¹ и «Торговые связи с Римской империей»⁵². «Известно,— пишет он,— что еще до нашей эры восточные культуры пришли в Южную Италию, позже в Рим, и во время империи распространились почти во всех провинциях. Культы египетских божеств особенно были распространены в городах Северного Причерноморья, откуда, по мнению К. Маевского, попали на территорию Польши; оттуда же

³⁸ Куркор. Виленский музей. С. 1. № 9, 10.

³⁹ Там же. С. 2. № 21—25; Добрянский Ф. Каталог предметов музея древностей. Вильна, 1879. С. 43. № 2763—2764; перепзд.— 1885. С. 49. № 22—23.

⁴⁰ Podczaszynski B. Przegląd historyczny starożytności krajowych z powodu wystawy urzędowej w Warszawie w r. 1856 w pałacu Jw. Hr. Aug. Potockich. Warszawa, 1857. S. 58.

⁴¹ Kolendo. Op. cit. S. 288.

⁴² Beyer K. Album wystawy starożytności i przedmiotów sztuki. Warszawa, 1856.

⁴³ Podczaszynski. Przegląd... S. 58.

⁴⁴ Каталог предметов, доставленных... С. 103—105.

⁴⁵ Покровский Ф. В. Виленский музей древностей. Вильна, 1892. Табл. XVII.

№ 15.

⁴⁶ Он же. Археологическая карта Ковенской губернии. Вильно, 1899. С. 97.

⁴⁷ Tarasenko P. Lietuvos archeologijos medžiaga. Kaunas, 1928. P. 246.

⁴⁸ Mažoji lietuviškoji tarybinė enciklopedija. T. 3. Vilnius. 1971. P. 439.

⁴⁹ Rugytė A. Švėkšna. Čikaga, 1974. P. 10—11.

⁵⁰ Kulikauskienė R. Ankstyvojo feodalizmo laikotarpis (IX—XII a.) // Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A. Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius, 1961. P. 377.

⁵¹ Михельбертас М. М. Римские металлические предметы в Литве // СА. 1965. № 3. С. 163—177.

⁵² Michelbertas M. Prekybiniai ryšiai su Romos imperija // Lietuvos gyventojų prekybiniai ryšiai I—XIIIa. Vilnius, 1972. P. 47—48.

они могли попасть и в Литву. Культурные статуэтки за границы империи поступали исключительно как военная добыча»⁵³. Швекшнский клад иногда причисляется к римскому импорту, по мнению М. М. Михельбертаса⁵⁴. В исследованных археологических памятниках ЛитССР обнаружены большое количество римских монет и некоторые предметы римского импорта: металлические сосуды, бусы из разноцветной эмали, стекла и другие украшения⁵⁵.

Поскольку сам швекшнский клад считался пропавшим, а точные данные относительно его атрибуции отсутствовали, ряд исследователей высказали сомнения в его подлинности. Так, например, в Варшаве журнал «Rocznik Białostocki» в 1976 г. опубликовал статью Е. Колендо «Находка так называемых египетских божеств в Швекшне»⁵⁶, само название которой говорит о точке зрения ее автора. Е. Колендо, полагая, что статуэтки пропали, анализирует их по сохранившимся рисункам. Одну статуэтку — пляшущего божка с музыкальным инструментом — он не относит ни к египетскому, ни к греко-римскому миру и пишет, что на территории Литвы не было обнаружено курганов римского периода. Сомнение у него вызывает и сам факт находки большого количества статуэток в одном месте⁵⁷. По мнению Е. Колендо, 17-летнему Плятеру не везло в археологических раскопках — «они были бесплодны, и это могло возбудить у него желание подделать находку»⁵⁸. Выводы статьи Е. Колендо нашли поддержку некоторых литовских исследователей. Так, историк Ю. Юргинис в своей книге коротко упоминает и Швекшнский клад, называя его «юношеским гремом» графа, желавшего попасть в орбиту науки⁵⁹.

Обследование всех древнеегипетских экспонатов из хранилищ музеев ЛитССР, а также сохранившихся рисунков Швекшнского клада позволило мне без труда опознать три уцелевшие статуэтки (одна из них — слепок) этого клада. Хранятся они в Гос. музее истории и этнографии ЛитССР (далее — ГМИЭ). С просьбой определить подлинность экспонатов я обратилась к египтологам Москвы и Ленинграда. С. И. Ходжаш по снимкам причислила экспонаты к древнеегипетским. Е. С. Богословский, осмотрев экспонаты в оригиналах, не сомневается в их подлинности и датирует серединой I тыс. до н. э. Не противоречит этому и химический анализ металла, который провела Ю. Сенвайтене в Вильнюсском реставрационном центре им. П. Гудинаса.

Из Швекшнского клада опознаны следующие экспонаты.

1. Статуэтка стоящего на коленях жреца с протянутыми вверх руками (вероятно, подносящего жертву богам), с бритой головой (рис. 5). Статуэтка имеет внизу штифт для крепления ее, например, в посохе или в деревянной подставке. Материал — бронза, техника исполнения грубая. Размеры: выс. — 6,2, шир. — 2,6, толщ. — 2,4 см. Сохранность: разъедена окисью, верхние части рук не сохранились. ГМИЭ, инв. № IM 4968.

2. Статуэтка бога Осириса (так определил Е. С. Богословский, а не Анубиса, как предполагал в свое время Ю. И. Крашевский). Изображает шагающего бога с опущенными и прижатыми к телу руками, с бородой

⁵³ Михельбертас. Римские предметы... С. 170 сл.

⁵⁴ Michelbertas. Prekybiniai gūšiai ... P. 47.

⁵⁵ Михельбертас. Римские предметы... С. 163.

⁵⁶ Kolendo. Op. cit. S. 285—297.

⁵⁷ Ibid. S. 293.

⁵⁸ Ibid. S. 294.

⁵⁹ Jurginis J. Istorija ir kultūra: Kultūros pažangos apybraižos. Vilnius, 1984. P. 191; *idem*. Istorija ir istorijos mokslas // Mokslas ir gyvenimas. 1985. № 9. P. 17.

Рис. 5. Статуэтка египетского жреца. ГМИЭ, IM 4968

Рис. 6. Статуэтка Осириса. ГМИЭ, IM 4972

Рис. 7. Слепок со статуэтки Осириса. ГМИЭ, IM 4962

и характерным головным убором; изображение обобщенное (рис. 6). Статуэтка имеет подставку. Материал — бронза, техника исполнения грубая. Размеры: выс.—5,8, шир.—1,3, толщ.—2,3 см. Сохранность: разъедена окисью, верхняя часть головного убора не сохранилась. ГМИЭ, инв. № IM 4972.

3. Слепок со статуэтки бога Осириса (рис. 7). Материал — гипс. Сохранность: повреждена. Размеры: выс.—11,3, шир.—4,6, толщ.—2,6 см. ГМИЭ, инв. № IM 4962.

Судьба остальных слепков Музея древностей неизвестна; возможно, они могли уцелеть в собрании Румянцевского музея, куда после восстания 1863 г. было вывезено около 3000 экспонатов.

Судя по уцелевшим статуэткам, и остальные были подлинниками. Можно предположить, что пляшущее божество с музыкальным инструментом (которое Е. Колендо не относил к древнему Египту) — это древнеегипетский бог Бэс. Культ его был очень популярен в Египте, особенно он был распространен в народных массах. В основе образа Бэса лежат черты божества, отгоняющего злых духов, змей, скорпионов, противостоящего «дурному глазу». В то же время Бэс — покровитель плодородия, помощник рожениц. Все эти черты способствовали тому, что египтяне носили статуэтки Бэса как амулеты, изображали его на предметах бытовой обстановки — кроватях, подголовниках, ручных зеркалах. Бэс почитался и как божество пляски и музыки, тогда с ним изображали музыкальный инструмент. Изображался Бэс уродливым карликом, всегда голым и с львиной маской, которая в позднее время сливается с выражением лица карлика ⁶⁰.

⁶⁰ Матве М. Э. Древнеегипетские мифы. М.—Л., 1956. С. 163.

3. *М. Рудзинскайте-Арцимавичене и ее коллекция*. Мария Рудзинскайте-Арцимавичене (лит. Marija Rudzinskaitė-Arcimavičienė, 1885—1941) стала первым профессиональным египтологом в Литве. Она родилась в Кедайнском уезде, в имении Шаравай, в 1900 г. окончила Каунасскую женскую гимназию⁶¹ и продолжала образование в Москве. В 1904 г. она становится слушательницей педагогических, в 1908 г. — Высших женских курсов⁶², а в 1916 г. с дипломом I степени историко-филологический факультет Московского университета.

Уже в годы учения в университете она включается в деятельность Археологической комиссии и Польского научного общества, читает лекции по древней истории в Варшавском «Университете для всех»⁶³. В 1910 г., во время пребывания в Египте, у нее пробуждается интерес к египтологии. Она начинает собирать коллекцию⁶⁴, пишет в русской и польской периодике о Палестине, Египте, Турции, Греции, Италии⁶⁵.

На годы молодости М. Радзинскайте приходится создание в Москве Художественного музея (теперь Гос. Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина), открывшего двери для посещения в 1912 г. По инициативе Б. А. Тураева в апреле 1909 г. музеем была приобретена уникальная коллекция русского египтолога и коллекционера В. С. Голенищева (6000 экспонатов)⁶⁶. Б. А. Тураев руководил отделом Востока, читал лекции по египтологии на Высших женских курсах⁶⁷, которые в течение шести лет посещала М. Рудзинскайте⁶⁸.

М. Рудзинскайте-Арцимавичене мечтала собрать коллекцию «культы умерших»⁶⁹, старалась заинтересовать общественность Литвы высокой культурой Востока, знакомя с памятниками религии, искусства, литературы Египта⁷⁰. В 1922 г., став доцентом кафедры всеобщей истории Литовского университета в Каунасе, она ввела курс истории древнего Египта, в котором немалое место отвела памятникам письменности и искусства⁷¹. В апреле 1923 г. М. Арцимавичене с группой студентов посещает Берлин, знакомится с собранием египетских древностей, принимает активное участие в проходящем там конгрессе ориенталистов, по возвра-

⁶¹ ЦГА. Ф. 631, оп. 3, д. 25, с. 2.

⁶² ОР НБ ВГУ. Ф. 96—149; или 1911 г. (Lietuviškoji enciklopedija. T. I. Kaunas, 1933. Skl. 970; *Mažoji Lietuviškoji enciklopedija*. T. I. P. 93).

⁶³ ОР НБ ВГУ. Ф. 96—149.

⁶⁴ Там же. Ф. 1, Е 70.

⁶⁵ Там же. Ф. 96—149.

⁶⁶ Антонова М. А. Храм, форум, хранилище, научный центр // Музей. М., 1983. Т. 3. С. 8.

⁶⁷ Вспоминая о своем учителе, М. Арцимавичене писала: «Это был оригинальный лектор, труднодоступный и малоповытный для широкой аудитории. Незаметно появляясь на кафедре, спокойный, как статуя, иногда со скрещенными на груди руками, как будто египетское каменное изваяние, он читал лекцию тихим, монотонным речитативом, никогда не заглядывая в какие-либо свои записи, не оглядываясь... Читая лекцию, он как будто говорил с богами... Выбранная им аудитория — Египетский зал Художественного музея, где лежали мумии, стол был загроможден папирусами и окружен статуями египетских богов и фараонов, — создавала определенное настроение, помогающее разбираться в древних папирусах. Тут проф. Б. А. Тураев чувствовал себя как дома и, сам живя «чарующей жизнью» Египта, зачаровывал и нас, своих слушательниц» (*Rudzinskaitė-Arcimavičienė [M.] Profesorui B.) Turajevui atminti, suėjus vieneriems metams po jo mirties // Svetimo darbas*. Kaunas, 1921. № 9/10. P. 118).

⁶⁸ ОР НБ ВГУ. Ф. 1, Е 70 (число лет разное: *Lietuviškoji enciklopedija...* T. I. Skl. 970. — указывает 4 года).

⁶⁹ *Rudzinskaitė-Arcimavičienė [M.] Tut-Anch-Amono kapas ir Tebų paminklai*. Kaunas, 1933. P. 121.

⁷⁰ V. K.-tas, *Mokslas // Vairas*. 1934. № 5. P. 121.

⁷¹ *Rudzinskaitė-Arcimavičienė [M.] Egipto ieroglifai*. Kaunas, 1932. P. 1.

щении в Литву делает доклад о нем ⁷². Постоянная потребность в углублении своих знаний заставляет ее искать возможности повторного посещения Египта. Частично опираясь на помощь факультета, она выезжает туда с экскурсией ⁷³. Впечатления об этом путешествии нашли отражение в ее статьях в периодической печати ⁷⁴ и в ее книге из задуманной ею серии «Древний Восток» ⁷⁵. Во время поездки она напряженно работает в музеях, принимает участие в археологических раскопках, осматривает достопримечательности, интересуется бытом местных жителей, общается с археологами ⁷⁶.

Кончатся средства, и М. Арцимавичене, и так живущая впроголодь, вынуждена возвратиться из путешествия по стране в Каир. Тогдашний консул Чехословакии, египтолог, проф. Г. Лукьянов, предлагает ей остаться еще в Египте и поработать под руководством В. С. Голенищева. Узнав, что она ученица Б. А. Тураева, Голенищев с радостью ее принимает, а помощь Г. Лукьянова и В. М. Викентьева дает ей надежду собрать хоть немного экспонатов для Литвы. Возможность послушать курс египтологии, читаемый В. С. Голенищевым в Каире, манит, наверное, не меньше, чем возможность вернуться в Литву не с пустыми руками ⁷⁷. «Теперь можно и коллекцию собирать, — писала М. Арцимавичене, — ...сегодня правительство Египта еще это дозволяет, для этого только надо пожить некоторое время в Египте, так поступали и поступают коллекционеры всех стран, собирающие ценности и посылающие их в музеи родных городов. Так, знаменитый русский египтолог В. С. Голенищев, живя в Египте, собрал обильные коллекции, которые находятся в музеях Петербурга и Москвы. Пока еще археологическая комиссия Каирского музея разрешает вывозить из Египта мумии и другие древности, разумеется только такие, какие в достаточном количестве имеются в самом музее» ⁷⁸. Во время первого путешествия М. Арцимавичене приобрела в Каирском музее ложе саркофага, найденного в окрестностях Луксора, с мумией певицы бога Амуна и богини Исиды Шемаит-Имен-Перихеру (XI—X вв. до н. э.). На внешней стороне саркофага — изображения различных богов и тексты. Живопись внутри саркофага — сочная, хорошо сохранившаяся; в изголовье изображена богиня Нут, а по бокам — демоны подземного царства. В Каире М. Арцимавичене приобрела у Г. Лукьянова демотический папирус с текстом брачного договора и несколько фрагментов

⁷² ОР НБ ВГУ. F. 96. VDU 16.

⁷³ *Rudzinskaitė-Arcimavičienė [M.] Ekskursija į Rytus // Lietuva. Kaunas, 1924.* № 135.

⁷⁴ *Ibid.* № 135, 138, 142, 143, 147, 151, 153, 155, 160, 166, 170, 171, 174; 1925. № 71, 73, 79.

⁷⁵ *Rudzinskaitė-Arcimavičienė. Tut-Anch-Amono kapas...* P. 29—62.

⁷⁶ Дневник путешествия М. Арцимавичене содержит много очень живых, ярких описаний Египта и отражает особую свежесть и поэтичность ее восприятия этой страны и ее культуры: «Передо мной на фоне ярко-голубого неба величественно засияли белые, высокие, красивые колонны Луксорского храма. Вспомнила слова, сказанные мне известным русским египтологом В. С. Голенищевым: „Одно путешествие в пустыню больше раскрывает глаза на прошлое Египта, чем чтение толстых томов“. Да, только тут, среди памятников, где и сегодня чувствуются следы фараонов, — только тут, породнившись с этими камнями, начинаешь понимать настоящий смысл их...» (с. 41). «Всмотревшись в лица этих статуй, дыша воздухом, насыщенным лучами солнца, исполненным... сладким спокойствием и забвением, начинаешь понимать жажду жизни древних египтян, которые так ненавидели смерть, старались не поддаваться ей. Эта жажда создавала мумии и пирамиды, подземные дворцы фараонов...» (с. 59).

⁷⁷ *Rudzinskaitė-Arcimavičienė. Ekskursija...* № 153.

⁷⁸ *Eadem. Tut-Anch-Amono kapas...* P. 61—62.

иератического папируса с текстом из «Книги мертвых»⁷⁹. Наконец, в окрестностях Луксора у местных жителей она купила несколько произведенных мелкой пластики и руку мумии⁸⁰.

Вернувшись на родину, М. Рудзинскайте-Арцимавичене переписывается с египтологами, живущими в Египте. Благодаря этим связям пополняется и ее коллекция. Так, например, из письма Г. Лукьянова от 24.IX. 1930 г.⁸¹ становится известно, что тот посылал ей фотоснимки экспонатов с их описаниями и ценами. Среди описанных особенно интересен папирус иератического письма XX—XXV (в письме описка — XX—XV) династии с «Книгой мертвых», имеющий длину 400 см (320 см из них — это сцены посмертного суда Осириса; всего 80 фигур). Под рисунками — шесть-семь строчек текста иератического письма. Г. Лукьянов в письме отметил художественную ценность папируса. К сожалению, не удалось установить, какие из экспонатов приобретены таким способом.

Приобретенные М. Арцимавичене саркофаги и папирусы были особенно полезны как наглядный материал при преподавании курса египтологии в университете. Для студентов же был предназначен и написанный ею учебник по египтологии на литовском языке (кстати, до сих пор — единственный), изданный в 1932 г.⁸² В написании учебника она опиралась на книгу немецкого профессора Г. Редера «Praktische Einführung in die Hieroglyphen und die ägyptische Sprache (München, 1913) и дополнила ее некоторыми древнеегипетскими текстами: «Речь богини Хатор к царю Тутмосу III», «Гимн богу Осирису», «Приключения Синухета», «Песнь арфиста», «Описание войн Рамсеса II с хеттами»⁸³. М. Арцимавичене переводит произведения литературы древнего Египта: уже в 1922 г. в периодике был опубликован перевод на литовский язык повести о Синухете⁸⁴, в 1932 г. издаются две книги на литовском языке: «Положение женщины в древнем Египте», «Гробница Тутанхамона и памятники Фив»⁸⁵.

В сентябре 1931 г. в Лейдене (Голландия) состоялся XVIII Международный конгресс ориенталистов, в котором впервые приняла участие представительница Литвы М. Арцимавичене⁸⁶.

В 1934 г. М. Арцимавичене снова едет в Египет. Она посещает раскопки у пирамид Гизы, осуществляемые Каирским музеем и экспедициями университетов Каира, Вены и др.⁸⁷ И из этого путешествия М. А. Арци-

⁷⁹ *Eadem*. *Senovės Rytų istorija*. T. I. Aigiptas. Kaunas, 1937. P. 34.

⁸⁰ *Eadem*. *Tut-Anch-Amono kapas...* P. 35—36.

⁸¹ Сохранил и подарил музею В. Рудзинкас — племянник Рудзинскайте-Арцимавичене.

⁸² См. прим. 71.

⁸³ *Eadem*. *Senovės Rytai // Vairas*. 1933. № 9. P. 123.

⁸⁴ *Eadem*. *Sinuchetas // Svetimo darbas*. 1922. № 3/6. P. 371—392.

⁸⁵ *Eadem*. *Moters būklė senovės Aigipte*. Kaunas, 1932; *eadem*. *Tut-Anch-Amono kapas...*

⁸⁶ *Eadem*. *Pasaulinis orientalistų kongresas Leidene // Naujoji Romuva*. Kaunas, 1932. № 5. P. 107. «Я работала в секции египтологии, — пишет она, — здесь собрались известные египтологи... Впервые на этом конгрессе читали лекции, делали доклады потомки, наследники древнего Египта — ученые... Простились бесконечно благодарными голландцам за эту впечатляющую неделю, проведенную вместе с близкими по идеям людьми, среди которых так много известных ученых...»

⁸⁷ «Мне удалось посетить все эти раскопки, особенно впечатляюще проводимые Бостонским университетом. Это большущее кладбище (правителей) IV династии и высших ее чиновников. Работами уже 30 лет здесь руководит известный американский египтолог проф. Дж. А. Райзнер, который здесь и живет на краю пустыни. Он был так любезен, что распорядился показать мне кладбище, до сих пор нигде не описанное, где на стенах сохранились картины, исполненные удивительно нежными красками, иероглифы, много больших и малых скульптур» (*Rudzinskaitė-Arcimavičienė*. *Senovės Ry-*

мавичене возвращается не с пустыми руками — ее коллекция пополняется крышкой саркофага «хозяйки дома» Уджаренес (первая половина VII в. до н. э.), найденной в конце XIX в. в Дейр эль-Бахри. Памятник когда-то принадлежал коллекции шаха Бея, а позже проф. Г. Лукьянову⁸⁸. Впечатляющее изделие из кедра⁸⁹ антропоморфной формы оживляют изображения Уджаренес с ее ба (в виде крылатой птицы) и тексты, адресованные богам. В изголовье записаны формулы, гарантирующие ее ба посмертные милости. В центре саркофага — сцена загробного суда Осириса. На внутренней стороне саркофага изображена богиня неба Нут, около нее с обеих сторон повторяется иероглифический текст: «Произнесение слов Осирисом хозяйкой дома Уджаренес, правой голосом, дочерью Диомонта, мать которой хозяйка дома Ба...» (рис. 8, 9 — см. вклейку).

После третьего путешествия в Египет М. Арцимавичене издает еще три книги на литовском языке: «Значение имени в древнем Египте», «Земля богов и благовоний», «История древнего Востока» (т. I. Египет)⁹⁰. К сожалению, остались не изданными подготовленные ею работы: «Времена пирамид в Египте», «Религия и искусство времен Аменхотепа IV и Тутанхамона», «„Фараон“ Б. Пруса в свете египтологии», «Боги Египта», «Книга мертвых», «Реформа Эхнатона», «Египетская повесть о двух братьях», «Поэма о битве при Кадеше»⁹¹.

В 1935 г. М. Арцимавичене приняла участие в работе XIX Международного конгресса ориенталистов в Риме⁹², а в 1938 г. — в работе XX Международного конгресса ориенталистов в Брюсселе⁹³.

О своей выросшей за время путешествий коллекции, которую она была намерена передать строившемуся тогда музею культуры им. Витаутаса Великого в Каунасе⁹⁴, М. Арцимавичене более подробно не писала. По нескольким скромным намекам в периодике и в книгах можно предположить, что постепенно увеличивавшемуся собранию экзотических экспонатов не находилось места в нанимаемой у суеверных хозяев квартире. Самым большим желанием М. Арцимавичене было создание в любом му-

tai. P. 23—24). «...Райзнер, узнав, что я была ученицей Б. А. Тураева, был со мной очень любезен. Оказывается, они были сердечными друзьями...» (*eadem*. *Kasinėjimai prie Giza piramidžių* // *Naujoji Romuva*. 1935. № 9. P. 216).

⁸⁸ S. I. Egipto mumijos ir sarkofagai Kaune // *Naujoji Romuva* 1936. № 49/50. P. 1008.

⁸⁹ *Rudzinskaitė-Arcimavičienė*. *Senovės Rytų...* P. 87.

⁹⁰ *Eadem*. *Vardo reikšmė senovės Egipte*. Kaunas, 1934; *eadem*. *Dievų ir kvepalų žemė*. Kaunas, 1936; *eadem*. *Senovės Rytų...*

⁹¹ ЦГА. Ф. 856, оп. 2, д. 28; ОР НБ ВГУ. Ф. 1, Е 70; *Rudzinskaitė-Arcimavičienė*. *Moters būklė...* P. 32.

⁹² «Большинство участников конгресса составляли итальянцы, но и с ними там было не более 300 ученых, — пишет М. Арцимавичене, — а из Прибалтики — я одна. Кроме одного араба из Каира, почти никого не было из ученых стран народов Востока. Я работала в секции египтологии, где сообщения делали в большинстве молодые египтологи-итальянцы. Самые интересные из них читались для участников всех секций». «По мнению ученых, Рим не был подходящим местом для конгрессов ориенталистики, — здесь трудно было поддержать дух Востока, однако культурная программа... восхищала, пленяла какой-то детской радостью... удивительные музеи, галереи, памятники как будто старались удержать нас...» (*Rudzinskaitė-Archimavičienė* M. XIX tarptautinis orientalistų kongresas // *Naujoji Romuva*, 1935. № 44/45. P. 814—815).

⁹³ «Конгресс был интересен (более 1000 участников), было много интересных докладов, а Брюссель — центр египтологии и для конгресса идеальное место. Значение каждого такого конгресса в том, что выдвигается целый ряд новых проблем, а это дает импульс для работы и объединяет ученых всего мира в одну семью для совместного труда» (*Rudzinskaitė-Arcimavičienė* [M]. XX tarptautinis orientalistų kongresas // *Naujoji Romuva*. 1938. № 43—44. P. 818—820).

⁹⁴ *Eadem*. *Tut-Anch-Amono kapas...* P. 62.

Рис. 8. Наружная часть крышки саркофага «хозяйки дома» Уджаренес.
(ХМ МНЧ, Тt—2796)

Рис. 9. Внешняя сторона того же саркофага

зее экспозиции древнеегипетских вещей, доступной для широких кругов общества. В октябре 1926 г. в Галерею М. К. Чюрлениса (теперь Гос. художественный музей им. М. К. Чюрлениса) она передает мумию, а в феврале 1927 г. — еще 28 мелких предметов: бусы, скарабеи, статуэтки богов, фрагмент папируса, руку мумии. Однако в галерее не хватало места, и мумия экспонировалась в коридоре. Тревожась за дальнейшую судьбу экспонатов, исследовательница была вынуждена забрать их из музея обратно (20.IV.1931 г.⁹⁵). Готовность принять саркофаг с мумией выразил директор Берлинского музея Х. Шефер, однако М. Арцимавичене отказала ему, аргументируя это своим желанием видеть в этом экспонате ядро будущего отдела Востока в Литве⁹⁶.

По ее просьбе директор Каунасского педагогического музея (теперь Республиканский Педагогический музей) согласился экспонировать часть коллекции в помещениях своего музея⁹⁷. Акты передачи не сохранились, и поэтому нелегко установить, какие конкретно экспонаты находились в Педагогическом музее. По одиночным упоминаниям можно судить, что это были вещи, свидетельствующие об обрядах древних египтян⁹⁸, косметические принадлежности⁹⁹, саркофаг с мумией, две детские маски¹⁰⁰. О том, когда приобретены маски, нет упоминаний ни в одном из источников. Может быть, они были присланы из Египта в течение 1930—1935 гг. (из письма М. Арцимавичене министру просвещения Литвы ясно, что в апреле 1936 г. они уже экспонировались в Педагогическом музее). Маски были найдены в Луксоре и хранились в Каирском музее¹⁰¹. Подобными масками египтяне прикрывали лица мумий. Однако было очевидно, что и Педагогический музей был не слишком подходящим местом для экспонирования коллекции: мумия, например, была размещена среди работ учащихся института.

В 1936 г. М. Арцимавичене обратилась к министру просвещения Литвы с просьбой выделить отдельное помещение для ее коллекции в новом Музее культуры им. Витаутаса Великого, так как Педагогический музей переезжал в другое помещение¹⁰². Видимо, ответ был отрицательным, так как коллекция пробыла в Педагогическом музее до 1940 г.¹⁰³ После возвращения Вильнюса Литве, уже в октябре 1939 г., исследовательница осмотрела отдел древнего Египта в Археологическом музее Вильнюсского университета, где экспонировались пять мумий и довольно большая коллекция скарабеев. Как доцент Вильнюсского университета (с января 1940 г.) она в апреле 1940 г. обратилась к ректору с просьбой о предоставлении лучшего помещения для коллекции, обещав пополнить ее своими экспонатами, привезенными из Каунаса¹⁰⁴. Помещение, к сожалению, так и не было выделено, и в ноябре этого же года М. Арцимавичене вновь передала часть своей коллекции Каунасскому Музею культуры. В Худо-

⁹⁵ ХМ МКЧ. Отдел изобразительного искусства. дело 1924—1941 гг.

⁹⁶ *Mašiotienė O.* Egipto princesės mumijos likimas Lietuvoje // Lietuvos aidas. Kaunas, 1931. III. 30. № 72.

⁹⁷ Ibid.

⁹⁸ Egipto šokėjos mumija Pedagoginiame muziejuje // Lietuvos žinios. Kaunas, 1938. V. 18.

⁹⁹ *Rudzinskaitė-Arcimavičienė [M.]* Kaip atjauninti senį? // Naujoji Romuva. 1939. № 12. P. 271.

¹⁰⁰ ХМ МКЧ. Дело Гос. комиссии археологии 1936 г. С. 1.

¹⁰¹ ХМ МКЧ. Книга депозитов. С. 61.

¹⁰² ХМ МКЧ. Дело Гос. комиссии археологии. 1936 г. С. 1.

¹⁰³ Архив Республиканского педагогического музея. S. 4 — С. А1. № 60.

¹⁰⁴ ОР НВ ВГУ. F. 96—149.

жественном музее им. М. К. Чюрлениса она продолжает оставаться и поныне. Коллекция включает мумию Шемаит-Имен-Перихеру с саркофагом, крышку саркофага Уджаренес, две маски, руку мумии, четырех скарабеев, пять статуэток богов, три ушебти, бусы и их фрагменты, подвески, а также образцы египетской флоры ¹⁰⁵. Все эти вещи можно было видеть в экспозиции по искусству древнего Египта, выставившейся в музее в 1946—1974 гг. Выставка была создана заведующей отделом истории Иевой Алексене, единственной из студенток М. Арцимавичене, заразившей энтузиазмом своей преподавательницы, систематизировавшей и описавшей древнеегипетские экспонаты в музее и издавшей книгу «Искусство древнего Египта» ¹⁰⁶.

При сравнении экспонатов, переданных в 1926—1927 гг. Галерее М. К. Чюрлениса, в 1931 г. Педагогическому музею и в 1940 г. Каунасскому музею культуры, становится ясно, что в каждом случае состав их был иным. Часть коллекции М. Арцимавичене держала в своей квартире, показывая ее знакомым и друзьям (среди них были биолог Т. Иванускас, математик З. Жемайтис, писатели И. Тумас-Вайжгантас и В. Миколайтис-Путинас) ¹⁰⁷. К сожалению, после ее смерти часть находившейся в квартире коллекции (папирусы, каких сегодня не имеет ни один музей Литвы, неизданные рукописи — см. выше) бесследно исчезла. Уцелели лишь те экспонаты, которые хранились в Художественном музее им. М. К. Чюрлениса.

В переданной М. Арцимавичене в музей коллекции особенно ценными кроме мумий, масок и саркофагов являются образцы скульптуры малых форм, отображавшие верования и обряды погребений древних египтян. В коллекции имеется бронзовая статуэтка бога письма и мудрости Тотта в виде сидящего павиана с лунным диском над головой (конец Нового царства, XIII—XI вв. до н. э.).

Фаяновый и бронзовый амулеты (I тыс. до н. э.) изображают Анубиса — древнего бога умерших — в виде идущего человека с головой шакала. В конце Древнего царства Анубис уступает свое место главного божества мертвых Осирису и становится лишь одним из его постоянных спутников. Однако в заупокойных обрядах Анубис продолжает сохранять большое значение. Бронзовый амулет богини мира и войны Сахмет (I тыс. до н. э.) изображает женщину с головой львицы в короне. Сахмет — любимая дочь бога солнца Ра, уничтожавшая его врагов.

В коллекции М. Арцимавичене имеются три фаянсовых ушебти (I тыс. до н. э.). Их формы очень обобщены и напоминают мумии. Головы этих фигурок покрывают парики, в руках — орудия труда, на плечах — мешки; мужской ушебти — с бородкой. Два ушебти спереди, под скрещенными на груди руками, имеют по вертикальной строчке иероглифической надписи с именем владельца.

По представлению египтян, в скарабеех воплощен бог солнца; будучи символами возрождения, они обычно помещались в захоронения. Все четыре скарабея из коллекции М. Арцимавичене являются имитациями, массовое производство их началось в Египте в XIX в. В коллекции находится также нитка бус, собранных из элементов разных фаянсовых ожерелий, и фаянсовая подвеска в форме колонны, украшенной резным изображением цветков лотоса (I тыс. до н. э.).

¹⁰⁵ ХМ МКЧ. Дело 1940 г. и Книга депозитов. С. 60—64.

¹⁰⁶ *Andrulytė-Aleksienė I. Senojo Egipto dailė. Vilnius, 1968.*

¹⁰⁷ Из рассказа И. Даугартене (племянница М. Рудзикайте-Арцимавичене).

В 1984 г. родственница М. Арцимавичене, И. Даутартене (Вильнюс), сохранившая несколько экспонатов, подарила их музею. Это фаянсовый ушебти женщины с одной строчкой иероглифической надписи (первая половина I тыс. до н. э.), имитации еще двух ушебти, а также статуэтка из черного гранита. В коллекцию М. Арцимавичене в 1985 г. вернулись еще два экспоната: фаянсовый скарабей (имитация) и фаянсовый ушебти женщины с одной вертикальной строчкой иероглифической надписи (I тыс. до н. э.). Они были привезены М. Арцимавичене из Египта и в 1935 г. подарены ею близкому другу, художнику А. Жмуйдзинавичюсу. До сих пор они хранились в фондах Музея произведений и собраний А. Жмуйдзинавичюса¹⁰⁸.

В 1985 г., после публикации нескольких статей к 100-летию М. Арцимавичене, где описывалась как сохранившаяся часть ее коллекции, так и пропавшая, коллекционер Г. Дамалакас предложил музею приобрести уцелевший фрагмент папируса из коллекции М. Арцимавичене. Это отрывок текста из «Книги мертвых»; датируется памятник концом Нового царства (примерно XI—X вв. до н. э.). По мнению Е. С. Богословского, эта часть «Книги мертвых» встречается довольно редко.

Интересная и оригинальная личность М. Арцимавичене оставила яркий след в памяти современников. Все знавшие ее вспоминают о ее необыкновенной увлеченности любимой наукой — египтологией, которая заслонила собой все прочие жизненные привязанности. Осталось несколько ее фотографий, на которых мы видим женщину с восточными чертами лица, любившую арабскую одежду и египетские украшения. К некоторым экспонатам своей коллекции она была особенно привязана и могла рассказывать о них часами.

В детстве и юности М. Рудзинскайте-Арцимавичене говорила только по-польски и позднее остро переживала свое незнание литовского языка: «...в родном краю я вынуждена молчать, — жаловалась она писателю Тумасу-Вайжгантасу, так как, к сожалению, не знаю родного языка, учу его, делаю успехи и имею надежду, что смогу свободно читать и писать на этом языке о Египте — совершенно незнакомом... Литве»¹⁰⁹. Свое обещание она выполнила, преподавала молодежи Литвы, издавала книги, публиковала статьи на литовском языке. Зрелые годы ее жизни были посвящены египтологии и тесно связаны с Литвой.

Не ослабевает и сейчас интерес к культурам древнего Востока. Энтузиасты их изучения в нашей республике объединились в секцию ориенталистов при АН Литовской ССР. Наверное, назрела необходимость и следующего этапа — создания музея искусства Востока, где бы могли достойно экспонироваться ценные экспонаты из всех музеев Литвы. Такой центр ориенталистики воплотил бы мечты М. Рудзинскайте-Арцимавичене и был бы в то же время знаком памяти первому египтологу Литвы.

А. П. Сниткувене

¹⁰⁸ Акт принятия произведений и собраний музея А. Жмуйдзинавичюса № 156, список VI, с. 2 (от 25 ноября 1966 г.)

¹⁰⁹ ОР НБ ВГУ. Ф. 1, Е 70.

A. P. Snitkuvienė

1. C'est N. K. Radziwill Sirotkka (Mikalojus Kristupas Radvila Našlaitėlis, 1549—1616) qui a éveillé l'intérêt du public de la Grande principauté de Lituanie pour l'Égypte antique et sa culture. Ce pèlerin a laissé une des descriptions les plus intéressantes pour les études orientales de son voyage au Proche-Orient. Bien qu'il ne réussit pas à conserver les objets égyptiens anciens de valeur qu'il avait acquis, ils inspirèrent les collectionneurs des générations suivantes. De sources historiques nous savons qu'une momie égyptienne figurait en 1785 dans les collections des Radziwill à Nesviž. M. K. Radziwill (Mikolas Kazimieras Radvila Zuvelė, 1702—1762) l'aurait héritée de Jan Sobieski. Au début du XIXe s., elle devint la propriété de Stefania Radziwill-Wittgenstein, et après sa mort la momie fut transportée de Nesviž à Viarkiaj, sans doute par L. Wittgenstein, le célèbre collectionneur de Vilnius. Au milieu du XIXe s., la collection d'art de Viarkiaj s'enrichit d'un autre sarcophage qui fut probablement acquis par le mari de Stefania ou par son fils P. Wittgenstein. A la fin du XIXe s., le gendre de Stefania H. Hohenloe (1819—1901) fit don des deux sarcophages au Musée des antiquités de Vilno et ils sont exposés aujourd'hui au Musée d'histoire et d'ethnographie de la RSS de Lituanie. Le sarcophage de Nesviž avait été manufacturé pour le chef des caches de la maison d'Amun Hori et est daté de la fin du Nouvel empire (XIe—Xe s. av. n.è.), tandis que le second (celui de Viarkiaj) doit être daté du Ier millénaire av. n.è.

2. Parmi les trouvailles importantes de l'archéologie lituanienne, il y a 7 statuettes égyptiennes anciennes trouvées en septembre 1852 par Adam Plater (1836—1909) dans un tumulus de Svėkšna (district de Silute). Leur histoire est fort embrouillée. Cette trouvaille suscita un grand intérêt chez les savants du XIXe et du XXe s., mais ils avaient du mal à l'apprécier et à la dater vu qu'elle passait pour avoir été perdue. J'ai réussi à identifier au Musée d'Etat d'histoire et d'ethnographie de la RSS de Lituanie trois statuettes rescapées de ce trésor. De l'avis des égyptologues, deux d'entre elles sont authentiques (milieu du Ier millénaire av. n.è.), la troisième est un moulage. Ainsi est démentie l'opinion du chercheur polonais Jerzy Kolendo selon qui il se serait agi d'un faux. De nouvelles études sont nécessaires pour établir comment ces statuettes ont pu atteindre la Lituanie.

3. L'égyptologie lituanienne fut fondée par Marija Rudzinskaitė-Arcimavičienė (1885—1941) qui fut pendant 6 ans l'élève de l'égyptologue russe B. A. Turajev. Elle s'employa à intéresser l'opinion de Lituanie pour la grande culture de l'Orient en publiant des articles sur les monuments religieux, artistiques et littéraires de l'Égypte ancienne et des livres en lituanien. M. Rudzinskaitė-Arcimavičienė visita trois fois l'Égypte: en 1910, 1924 et 1934, et commença à réunir une collection égyptienne ancienne dont une partie est actuellement conservée au Musée M. K. Čiurlionis de Kaunas. Les pièces les plus précieuses sont la partie inférieure d'un sarcophage avec la momie de Semait-Imen-Peret-Heru, chanteuse du dieu Amon et de la déesse Isis (XIe—Xe s. av. n.è.), et le couvercle du sarcophage de la «maîtresse de la maison» d'Udzarenes (première moitié du VIIe s. av. n.è.).